

К этому же типу фотоиллюстраций при определенных условиях относятся репортажные фотографии. Вообще, процесс превращения фотоинформации в фотоиллюстрацию многое проясняет в механизме взаимодействия текста и фотографии. Вот пример из практики. Возьмем фотоиллюстрацию в газете «Аргументы и факты в Томске» к статье «Картошкой обеспечены. Власть помогла с уборкой» («Аргументы и факты в Томске». 2010. № 37). Как и в случае с примером, приведенным выше, речь в публикации идет об урожайности картофеля в области. Текст дополнен фотоснимком, где два подростка сидят на довольно внушительной «горе» картофеля. Подпись под фотографией сообщает: «Урожай в этом году хорош!». В тексте — факты и комментарии. Нет никаких отсылок к фотоиллюстрации. Мы не знаем, кто изображен на фотоснимке, в каком году он сделан. Фотография просто иллюстрирует мысль автора о богатом урожае картофеля. Если бы текст был дан в виде короткой информации, рассказывал о людях, изображенных на фотографии, как о передовых фермерах, которые засняты в момент окончания уборки — перед нами была бы фотоинформация.

Результатом творческой переработки фотоизображений становится фотомонтаж. В томских СМИ монтажные фотоиллюстрации могут быть опубликованы на обложке и внутри номера («Вечерка». 2010. № 42; «Аргументы и факты в Томске». 2010. № 41), могут быть «собраны» самостоятельно или приобретены (скачаны с бесплатных ин-

тернет-ресурсов) в готовом виде («Томская неделя». 2010. № 40; «Томский вестник». 2010. № 88).

При этом фотомонтажи не всегда решают исключительно творческие задачи. Например, в «Аргументах и фактах в Томске» с целью экономии газетной площади одна фотография накладывается на другую («Аргументы и факты в Томске». 2010. № 40). Когда такое наложение сделано более творчески — появляется фотомонтаж («Аргументы и факты в Томске». 2010. № 46).

В целом можно отметить, что фотоиллюстрирование, оригинальная и разнообразная визуальная информация позволяет поддерживать интерес к местным печатным СМИ. Сегодня популярность издания во многом зависит не только от применения традиционных видов пресс-фотографии, но и от привлечения в качестве иллюстративного материала нежурналистских видов фотографии. В то же время новые технологические возможности фотоиллюстрирования позволяют существенно упростить процессы производства, трансфера иллюстраций и их трансформации, что меняет не только содержательное наполнение, но и место фотоиллюстрирования в медиапроцессе.

¹ Харроуэр Т. Настольная книга газетного дизайнера. М.: Комсомольская правда, 2005. С. 93.

² Там же. С. 113.

Кунильский Д.А.,

Петрозаводский государственный университет

«ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ» ЖУРНАЛИСТИКА ПРОТИВ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ (СТАТЬЯ Ю.Ф. САМАРИНА «О МНЕНИЯХ “СОВРЕМЕННОКА”, ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ»)

Журналистику часто упрекают в увлеченности негативными явлениями и уходе от показа событий, которые бы могли благотворно подействовать на читателя, слушателя, зрителя. Обвинение справедливое, но не рассматривающее этот вид деятельности во всей его полноте, с учетом многообразных направлений, составляющих русскую журналистику от ее истоков. Многие видные публицисты XIX века своим примером свидетельствуют о существовании иного пути — пути утверждения и примирения, а не отрицания и критики. В этом ряду выделяется один из главных представителей славянофильства Юрий Федорович Самарин,

вступивший в спор о сущности и задачах современной литературы.

Статья Самарина «О мнениях “Современника”, исторических и литературных» — одно из самых известных его сочинений, неоднократно привлекавшее внимание исследователей¹. В этой работе, опубликованной на страницах «Москвитянина» (1847. Кн. 2. Отд. критики. С. 133–222, за подписью М...З...К...), славянофильский автор вел двойную полемику: с историком К.Д. Кавелиным, напечатавшим в обновленном «Современнике» свой «Взгляд на юридический быт древней Руси», и против литературно-эстетических взглядов редактора

журнала А.В. Никитенко, поддержанного В.Г. Белинским. Нас интересует один эпизод этой полемики — диалог с Белинским, — а точнее, угол зрения, под которым Самарин рассматривал натуральную школу.

Поводом к спору послужила статья Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», в которой славянофилы отметили для себя следующие слова: «Натуральную школу обвиняют в стремлении все изображать с дурной стороны. <...> Но если бы ее преобладающее отрицательное направление и было одностороннею крайностию, — и в этом есть своя польза, свое добро: привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни, не становя их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их риторически»². Славянофильское видение проблемы было представлено в указанной работе Ю. Самарина, где творческие установки натуральной школы подверглись основательной критике.

«Литературные предприятия» натуральной школы (К. Аксаков), получавшие критическую оценку славянофилов, заставили Самарина затронуть старую тему и приложить силы к выработке взвешенного подхода в художественном отображении сильных и слабых сторон русской жизни. Еще в 1828 году учитель Самарина и его будущий университетский преподаватель Н.И. Надеждин патетически вопрошал в первой своей критической статье: «О бедная, бедная наша поэзия! — долго ли будет ей скитаться по нерчинским острогам, цыганским шатрам и разбойническим вертепам?.. Неужели к области ее принадлежат одни мрачные сцены распутства, ожесточения и злодейства?.. Что за решительная антипатия ко всему доброму, светлому, мелодическому — радующему и возвышающему душу?..»³ («Литературные опасения за будущий год»).

Надо сказать, что Самарин не ставил своей целью пропаганду положительных ценностей, рассчитанную на широкие массы, напротив, его статья ориентирована на интеллектуальные круги и призвана изложить основные принципы славянофильской доктрины. Главный его тезис заключается в следующем: стремление к объективности, характерное для писателей натуральной школы, сопровождается сосредоточением на серых, безрадостных моментах жизни, что, в конечном счете, приводит к «клевете на действительность в смысле преувеличения темных ее сторон»⁴. Чтобы не быть голословным, Ю. Самарин подробно описывает генезис натуральной школы, специально останавливаясь на отличительных чертах этого литературного явления: «Материал дан Гоголем или, лучше, взят у него: это пошлая сторона нашей действительности»⁵. Но у Гоголя, как считали высоко его ценившие славянофилы, «под изображением действительности поразительно-истинным скрывалась душевная, скорбная исповедь»⁶, чего нельзя сказать о его последователях. «Право на обличение», говорит Самарин, дается художнику только в том случае, если в его душе нет «чувства

личного превосходства» над своими героями. «Нужно было породниться душою с тою жизнью и с теми людьми, от которых отворачиваются с презрением, нужно было почувствовать в себе самом их слабости, пороки и пошлость, чтобы в них же почувствовать присутствии человеческого <...>»⁷, — пишет Самарин о Гоголе. Литераторы натуральной школы, подражая великому предшественнику, ограничились «заимствованием содержания, способа изображения, стиля», освободив себя от попыток увидеть в своих посредственных героях живых людей.

В направлении натуральной школы Ю. Самарин заметил влияние «новейшей французской литературы: это карикатура и клевета на действительность, понятая как исправительное средство»⁸. Однако «между французскими и нашими повествователями» есть важное различие. «Перебирая последние романы, изданные во Франции с притязанием на социальное значение, мы не находим ни одного, в котором бы выставлены были одни пороки и темные стороны общества. Напротив, везде, в противоположность извергам, негодьям, плутам и ханжам, изображаются лица, принадлежащие к одним сословиям и занимающие в обществе одинаковое положение с первыми, но честные, благородные, щедрые и набожные»⁹. Персонажи натуральной школы, как считает Самарин, имеют исключительно непривлекательный вид, они делятся на «два разряда, бьющих и ругающих, битых и ругаемых; побои и брань составляют как бы общую основу, на которой бледными красками набрасывается слегка пошлый узор любовной интриги»¹⁰.

Как государственный человек, которому в будущем предстояло сыграть важную роль в отмене крепостного права, Самарин понимал, сколь опасным для русского общества может быть увеличение дистанции между разными его слоями. И здесь на натуральной школе «лежит тяжелый упрек: она не обнаружила никакого сочувствия к народу, она так же легкомысленно клеветает на него, как и на общество»¹¹. Представьте себе ситуацию, обращается к своим оппонентам Самарин, что некий человек, начитавшись «ваших рассказов о мужиках», приезжает в деревню. Как посмотрит он на крестьянина? В худшем случае — как на «нравственного урод», в лучшем — как здоровый на больного. Так «во имя какой мнимой истины вы затемняете светлые стороны деревенской жизни и отрицаете в простом народе все добрые свойства, которые бы могли привлечь к нему уважение и сочувствие?»¹². В этом отрезке текста речь Самарина, обычно предельно взвешенная и ровная, становится более экспрессивной, о чем свидетельствует череда вопросительных предложений, — стиль, напоминающий страстную публицистику Достоевского шестидесятых годов. Говоря о произведениях натуральной школы, затрагивающих деревенский быт, Ю. Самарин обращается к повести Д.В. Григоровича «Деревня» (1846), в которой, по словам критика, «собрано и ярко выставлено все, что можно было найти в нравах крестьян грубого, оскорбительного и жестокого»¹³.

В Григоровиче, которого единомышленник Самарина Иван Аксаков считал талантливым писателем («у него есть положительный талант, и талант, чисто свалившийся с неба, не подготовленный ни умом, ни образованием, ни направлением») ¹⁴, Самарина поразило невнимательное, высокомерное отношение к жизни простых людей: «Ни сострадания, ни раскаяния, ни стыда, ни страха, ни даже животной привязанности между единокровными, автор ничего не нашел в русской деревне» ¹⁵. Такое нарочитое сгущение красок в произведениях натуральной школы «надело бы отчаяние вовсе не спасительное для нашего общества, если бы не наводило скуки, предохраняющей от всякого иного впечатления» ¹⁶. Подводя итог своим размышлениям о натуральной школе, Самарин выскажет мнение, за которое его не раз будут критиковать: «Не поддержанная ни одним сильным талантом, она (натуральная школа. — Д.К.) должна исчезнуть так же скоро и случайно, как она возникла, как составлялись и исчезали на нашей памяти многие литературные кружки» ¹⁷.

Но близкий к славянофильскому взгляд на натуральную школу разделяли и другие даровитые критики, и среди них Аполлон Григорьев в «москвитянский» период своего творчества. В статье «Русская изящная литература в 1852 году» он остроумно сравнил писателей этой школы с героем повести Достоевского «Двойник» господином Голядкиным, который «повсюду видел вокруг себя врагов» ¹⁸. Точно так же «литературные натуралисты принимали чудовищные призраки своего болезненно-напряженного воображения за врагов действительных» ¹⁹, им «повсюду в божьем мире представлялись только душные пропитанные зловонием углы» ²⁰.

В цитированном фрагменте из обзора русской литературы за 1846 год Белинский специально обосновывал «отрицательное направление» натуральной школы ²¹, что выглядит чрезвычайно символичным. Понятие «отрицательное», так же как и антонимичное ему «положительное», играли важную роль в журналистских и художественных текстах XIX века. Отрицание для критиков демократического лагеря — это опровержение устаревшего, отжившего, скомпрометировавшего себя прежнего миропорядка. Консервативные писатели, напротив, стремились к «положительному», которое в прямом непародийном значении этого слова понималось ими как соответствие Божественным установкам, христианскому мироощущению. Хотя разные по своим общественным и литературным убеждениям публицисты вовсе не отказывались от понятий, противоположных тем, актуальность которых они отстаивали. Так, например, славянофилы, несмотря на свое положительное направление, провозглашали особый, свойственный только им, вид отрицания сложившегося миропорядка — отрицания во имя русской народности и самобытности, а западники часто использовали термин «положительность», подразумевая под ним верность духу времени, следование научным взглядам, прогрессивность (влияние позитивизма).

Необходимо отметить, что в приведенных статьях Григорьева и Самарина писатели натуральной школы прямо не названы «отрицателями», но характеристики, данные им, наводят на мысль об отрицательном характере их деятельности. По своему объективному значению представители этой школы, конечно, были «отрицателями», они не видели в окружавшем их русском мире какой-либо глубины и эмоциональной ценности.

В русской критике той поры «отрицателями» принято было также именовать представителей другого, родственного натуральной школе направления, возникшего под влиянием Лермонтова. Например, непричастный к славянофилам Вал. Майков, говоря в своей статье «Стихотворения Кольцова» (1846) об основных тенденциях в современной литературе, разделил эпигонов романтизма на два разряда: неоромантиков-отрицателей и неоромантиков-натуралистов. Подражавшие Лермонтову отрицатели, по словам Майкова, писали стихи, «где все живое разругано наповал, где нет пощады ни одному живому чувству, ни одной сильной страсти, где смерть представлена идеалом жизни» ²². Понятно, что такие настроения не вызывали сочувствия у автора статьи, восхищавшегося жизнеутверждающей поэзией Кольцова. Лермонтовское направление подверглось критике и со стороны славянофилов. Приступая к разбору поэмы И.С. Тургенева «Помещик» (1845), К. Аксаков писал: «Всякое сколько-нибудь замечательное или сильное явление имеет своих, часто неудачных подражателей. В последнее время нашей литературы Лермонтов был таким явлением и также увлек за собою многих неудачных подражателей; к их числу принадлежит и г. Тургенев, сочиняющий, подобно Лермонтову, и в стихах, и в прозе» ²³. В поэме Тургенева среди прочих недостатков Аксаков увидел «спокойное отрицание древней жизни предков», в то время как «лежат кучи томов, заключающих в себе их живое слово, множество деяний народных хранится в памяти нашей, много глубокой мысли и теперь в началах жизни народа» ²⁴. Позднее на примере этой поэмы Тургенева Ап. Григорьев наметит наиболее слабые стороны лермонтовского направления: «Удивительная вообще была вражда к простору и, главное дело, к здоровью — в былые года литературы. Случалось ли автору попадать, например, на провинциальный бал, ему становилось несносно видеть здоровые и простодушные девические физиономии <...>. Качества веселости, доброты и здоровья особенно не нравились авторам: они непременно отыскивали <...> робкого и немного ребенка, которого благословляли на страданье» ²⁵.

Как видим, то, за что обычно критикуют журналистику, Самарин и другие авторы ставили в вину художественной литературе. По мнению славянофилов, произведения натуральной школы и других «отрицателей», кроме чисто эстетических недостатков, имеют еще одну важную особенность: они губительно действуют на умы граждан, подрывая необходимые для функционирования государства основы — религиозность, политическое единство, чувство исторической

преемственности. В наши дни (вернемся к журналистике) эта проблема переносится еще и в сферу психологии. Кому не знакомо ощущение подавленности, возникающее после просмотра новостного выпуска с чередой разного рода происшествий, собранных со всего мира. Очень актуальными в этой связи представляются замечания «о необходимости помнить про душевное равновесие аудитории СМИ, которое способно легко улетучиваться под влиянием нескончаемо мрачной цепи жестких и жестоких передач»²⁶. Автор этих слов В.В. Прозоров подчеркивает: «Существует в мире и психо-физиологически допустимая норма соотношения пугающего (парализующего волю) и поддерживающего (согревающего душу). Существует и свой баланс “отрицательного” и “позитивного” в информационных потоках СМИ»²⁷.

Не надо, конечно, думать, что в XIX веке, «золотом» веке русской культуры, журналистика взывала лишь к доброму и прекрасному. В газетах публиковались хроники криминальных событий, не обходящиеся порой без смакования всевозможных подробностей; со страниц «толстых» журналов вели свою пропаганду революционные демократы. Иначе не вырвались бы у заядлого журналиста Василия Васильевича Розанова, размышлявшего о природе прессы, горькие слова: «Печатная водка. Проклятая водка. Пришли сто гадов и нагадили у меня в мозг»²⁸. Но все же существовал тогда и, будем надеяться, есть сейчас мощный поток «положительной» журналистики, к которой принадлежал сам Розанов. В современном учебном пособии рассказывается о двух «концепциях назначения журналиста», возникших в непосредственной практике XIX века. «Согласно одной, — пишет С.М. Виноградова, — журналист — политический борец, социальный философ, литератор, призванный освещать и всесторонне раскрывать наиболее важные проблемы действительности, отстаивать свою точку зрения, не испытывая страха перед преследователями, не боясь нищеты и голода. Согласно другой, журналист — нечто вроде предпринимателя, исходящего прежде всего из соображений выгоды, рассматривающего газету или журнал по преимуществу в качестве источника дохода»²⁹. Отчасти к первой группе можно отнести Ю.Ф. Самарина, заключенного на непродолжительный срок в Петропавловскую крепость за свои сочинения о политической ситуации в прибалтийских губерниях России. Однако статья Самарина «О мнениях “Современника”...» ясно показывает взгляд автора на назначение литературной деятельности и позволяет говорить о созидательной роли публициста, которая могла бы составить третью «концепцию» традиционных путей журналистики.

- ³ Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 56. Впервые: Вестник Европы. 1828. Ноябрь. № 21. С. 3–25 и № 22. С. 81–108.
- ⁴ Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. М., 1996. С. 462.
- ⁵ Там же. С. 459.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 460. Очерчивая круг иностранных авторов, относившихся к так называемой «неистойой словесности» и опосредованно повлиявших на натуральную школу, В.В. Виноградов пишет: «Под именем “неистойой” школы в сознании русских литераторов 30-х и 40-х годов объединялись произведения литературы “юной Франции” (первые романы Гюго, Бальзака, который в ранний период своего творчества увлекался мелодрамами Пиксерекура, романами Дюкре дю Мениля, леди Радклиф, Люиса и других представителей “кошмарного” жанра, “Мертвый осел и обезглавленная женщина” Жюлья Жанена, новеллы и романы Сю, Дюма и их последователей). Сюда же относились и романы как самого Матюрена, так и вышедшие в русском переводе под его именем (вроде романа Томаса де Квинси “Исповедь англичанина, употреблявшего опиум”) <...>. См.: Виноградов В.В. Школа сентиментального натурализма (Роман Достоевского “Бедные люди” на фоне литературной эволюции 40-х годов) // Виноградов В.В. Избранные труды: Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 143–144.
- ⁹ Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. С. 464.
- ¹⁰ Там же. С. 462–463.
- ¹¹ Там же. С. 466.
- ¹² Там же. С. 468.
- ¹³ Там же. С. 455–456.
- ¹⁴ Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 473.
- ¹⁵ Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. С. 456.
- ¹⁶ Там же. С. 465.
- ¹⁷ Там же. С. 469.
- ¹⁸ Григорьев Аполлон. Литературная критика. М., 1967. С. 46. Впервые: Москвитянин. 1853. № 1. Отд. V. С. 1–64.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 52–53.
- ²¹ В научной литературе термин «отрицательное направление» прочно закрепился за натуральной школой. См.: Жук А.А. Сатира натуральной школы. Саратов, 1979. С. 3.
- ²² Майков В.Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 98. Впервые: Отечественные записки. 1846. Т. XVI. Отд. V. № 11. С. 1–38 и № 12. С. 39–70.
- ²³ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 105. Впервые: Москвитянин. 1845. Ч. 2. № 2. Библиография. С. 49–53.
- ²⁴ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. С. 107, 108.
- ²⁵ Григорьев Аполлон. Литературная критика. С. 51–52.
- ²⁶ Прозоров В.В. Власть и свобода журналистики. М., 2012. С. 38.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Розанов В.В. <Соч.> Т. 2. Уединенное. М., 1990. С. 454.
- ²⁹ Виноградова С.М. Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста. СПб., 2000. С. 18.

¹ См., напр.: Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов. Л., 1984. С. 151–163.

² Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 8. С. 191. Впервые: Современник. 1847. Т. 1. №1. Отд. III. С. 1–41, 52–56.